

О специфике «времени» в языковой картине мира русских и казахов

языковая картина мира, культурные коды, время

В последние десятилетия, в связи с активизацией межкультурной коммуникации в глобализованном мире, стала особенно очевидной необходимость изучения неродного языка в теснейшей связи с культурой говорящего на нем народа. В работах российских и зарубежных русистов обосновываются и разрабатываются основные положения относительно новой области научного знания антропоцентрического толка – лингвокультурологии. В задачи этой научной дисциплины, как пишет С. Г. Воркачев, «входит изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета, она создана, по прогнозу Бенвениста, «на основе триады – язык, культура, человеческая личность» и представляет лингвокультуру как линзу, через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса – *Folksgeist* В. фон Гумбольдта и Г. Штейнталя» [Воркачев 2001: 64].

Язык признан одним из самых важных и специфических компонентов каждой национальной культуры. Будучи социальным феноменом, он неразрывно связан с его носителями. Исследования последних десятилетий, восходящие к идеям В. фон Гумбольдта и признающие важнейший неогумбольдтианский постулат о языке как промежуточном мире (*Zwischenwelt*), активно развивают понятие «языковая картина мира».

Любой естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов, или предписаний и навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [Апресян 1995: 38]. Формируется мир говорящих на данном языке – языковая картина мира предстает как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии и грамматике того или иного языка. Ю. Д. Апресян замечает, что «свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [Апресян 1995: 39].

Знание языковой картины мира другого языка ныне безоговорочно признается необходимым фундаментом любого культурологического изыскания. Погружаться в исследование чужого культурного контекста без знания исходного набора «матриц» национального мировидения – его этических, нравственных и ценностных приоритетов, системы образности и ассоциативного мышления – «все равно, что пытаться прочитать слова и предложения на незнакомом языке, не удосужившись выучить алфавит этого языка» [Корнилов 2003: 80].

Эти теоретические положения легли в основу разработки программы семинара «Лингвокультурология в общей системе обучения русскому языку в

иноязычной среде», предусмотренного для магистрантов направления «Русский язык в иноязычной аудитории» в Казахском филиале МГУ им. М. В. Ломоносова.

Целью работы семинара является попытка обосновать тезис о национально-культурной специфике языкового сознания, в его задачи входит: 1) показать русскую и казахскую языковую личность, отраженную не только в лексике, но и на материале закрытых систем языка – фразеологии и паремииологии, 2) обнаружить связь национально-культурных ценностей с невербальным и вербальным поведением лингвокультурной общности.

В работе семинара, с одной стороны, исследуются отдельные, характерные для данного языка, «лингвоспецифичные», как они названы в работах А. Вежбицкой, слова-концепты. Эти «ключевые» для данной культуры слова плохо переводятся на другие языки: переводной эквивалент либо вообще отсутствует, либо такой эквивалент в принципе имеется, но он не содержит именно тех компонентов значения, которые являются для данного слова специфичными. К примеру, слово *душа*, привлекающее в свое время внимание Вильгельма фон Гумбольдта, при переводе на другие языки интерпретируется различно. Так, в сознании русского народа «душа» противопоставлена «телу», у англичан находятся в оппозиции «разум» и «тело» – «mind and body», в казахской языковой картине мира особое место занимает слово *бауыр* 'печень', называющее орган, в котором сосредоточены чувства человека, ср.: *бауырым; ашулаңба, баурыңды езесің* ('не гневайся, печеньку испортишь'); *бауырыңды қан қылады (ашуландырады)* ('за печень (сердце) берет'), ср. русск. *братъ за сердце/за душу* 'сильно, глубоко волновать, трогать, тревожить; вызывать щемящую тоску, боль, радость или умиление и т. п.' Неслучайно на другие языки слово *бауыр* переводится функционально соответствующим словом *сердце* [Сабитова 2011: 22].

С другой стороны, помимо лингвоспецифичных слов в семинаре обсуждается и принцип универсальности семантического языка, где выступают слова, имеющие эквиваленты в любом языке, так называемые «семантические примитивы», которые могут быть объяснены любому человеку. В таблице универсальных понятий у Анны Вежбицкой находим понятие «времени», проявленное в нескольких категориях: *когда, теперь, после, до, долго, коротко, некоторое время, момент* [Вежбицкая 2011: 391-392].

Временной код является, как известно, одним из базовых кодов культуры [Красных 2001:5-19]. Временной код культуры фиксирует членение временной оси, отражает движение человека по временной оси, кодирует бытие человека в материальном и нематериальном мире, проявляется (в том числе) в отношении человека ко времени. Привлекая в качестве материала русские и казахские идиомы и паремии, содержащие понятие времени, студенты магистратуры стремятся показать, как временной код культуры бытует в языковом сознании русских и казахов, как он членит, категоризирует, структурирует и оценивает мир, окружающий народы, как проявляет в языке национально-культурную семантику.

Описанию и анализу категории времени посвящено огромное число самых разных исследований. Во всех мифологических, а затем и богословских, и философских концепциях время обнаруживает свою

парадоксальную сущность: оно есть, и его одновременно нет. «Я не могу измерить будущего, ибо его еще нет; не могу измерить настоящего, потому что в нем нет длительности, не могу измерить прошлого, потому что его уже нет», – писал в своей «Исповеди» (Conf.XI, 26) бл. Августин [цитирую по: Богатырева 2013: 79].

Как пишет Н. Д. Арутюнова, у человека нет специального органа для восприятия времени, но именно время организует его психический склад. Чувство времени порождено восприятием изменений в мире. Его основной источник – космическое время – смена времен дня и сезонов года. По мысли Н. Д. Арутюновой, чувство, рожденное временными циклами, человек перенес на линию времени. Формула «всему свое время» применима к природе, к жизни человека, равной одному естественному циклу, и к истории, в ходе которой нет циклов [Арутюнова 1997: 51-52].

«Современные русские движутся по временной оси лицом вперед» [Красных 2001: 10]. Это закреплено в русских выражениях: то, что *за спиной*, *за плечами*, относится к прошлому, а то, что *на носу*, *не сегодня-завтра*, *с минуты на минуту*, *со дня на день* принадлежит будущему. Об этой же траектории русского времени свидетельствует выражения *искать вчерашний день* – ‘о бессмысленности, бесполезности каких либо поисков’, *до поры до времени* – ‘до подходящего момента, до известного случая в будущем’. Студенты магистратуры усваивают значения многих русских выражений со значением времени.

Когда (теперь, после, до): *в свое время; третьего дня; испокон веков; денно и ночью; время от времени; нет-нет да и; после дождичка в четверг; когда рак на горе свистнет; когда петух в темя клюнет; от зари до зари, с утра до вечера, весь день* и т.д.

Долго, коротко, некоторое время: *в мгновение ока; одним махом; и глазом не успел моргнуть; в два счета; не по дням, а по часам (расти); как одна минута; во весь дух; на всех парах/парусах; как на пожар; без оглядки; как ошпаренный; одна нога здесь, другая там; без году неделя; не прошло и году; в одну минуту/секунду* и т.д.

Студенты обращают внимание на то, что при выражении времени, русский язык очень конкретен, во многих фразеологизмах встречаются непосредственные названия меры времени: *без году неделя, испокон века, с минуты на минуту, с секунды на секунду (ждать, прийти, появиться)*. В русском сознании «временной» код непосредственно связан с соматическим (антропоморфным) кодом культуры, о чем свидетельствуют, к примеру, выражения *на носу, глазом моргнуть не успеешь, одна нога здесь, другая там*. Соматический код настолько близок к временному, что антропоморфные черты переносятся на само «время» – *время тянется, время не ждет*.

Важнейшей проблемой, традиционно возникающей при подготовке студентов магистратуры направления «Русский язык в иноязычной аудитории», становится выявление, понимание и освоение ими некоторого мыслительного зазора, существующего между миром их родного языка и сторонней для них русской ментальностью. Поэтому в следующем этапе работы в семинаре магистранты получают задание определить, с привлечением вербальных иллюстраций, национально-культурную специфику времени, характерную для казахов.

Для земледельца или скотовода время в первую очередь циклично, поскольку их жизнь тесно связана с циклами в природе. Для обозначения времени, казахи часто используют различные события, происходящие в их жизни, а не конкретные числа или даты. Пока они были степным племенем, и их память ограничивалась жизнью одного-двух поколений, двенадцатилетнего цикла им хватало. Но когда они встали во главе державы, простиравшейся от Черного моря до Желтого, стали соперниками Китая, Ирана и Византийской империи, им потребовалась история, кодификация событий и объяснение их взаимосвязей. Ответом стала наипростейшая форма отсчета – «живая хронология». В знаменитом памятнике-стеле на могиле Кюль-тегина, принца Тюркского каганата, где перечислены его подвиги, события датируются годами жизни витязя, а для обозначения связи с циклической хронологией указана дата смерти – год овцы, – и подчеркнуто, что герою было сорок семь лет. Для кочевников VIII в. этого было достаточно [Гумилев 1970:150-154].

В казахском языке время часто изображается как отрезок между двумя периодами. Казахи отрезок времени между двумя месяцами называли *Өліара* – 'безвременье/безлунье'. Но такой подход, замечает магистранта, присущ не только казахскому языку; они ссылаются на мнение Н. А. Бердяева, приведенное И.И. Богатыревой: парадокс времени заключается «в том, что, в сущности, прошлого в прошлом никогда не было, в прошлом существовало лишь настоящее, иное настоящее, прошлое же существует лишь в настоящем. Прошлое и настоящее имеют совершенно разное существование. Настоящее в прошлом по-иному существовало, чем существует прошлое в настоящем» [Богатырева 2013: 80].

Древние кочевники понимали тайны природы и умело использовали эти знания в своей жизни. Одним из ярких примеров можно считать прогноз погоды. Проводя практически всю свою жизнь в степи, казахский народ настолько глубоко знал особенности природы и климата своего края, что в сильные бураны мог найти свое селение по полету птиц, по следам животных и насекомым, мог предсказать погоду и предпринять необходимые меры. Например, холодные ветры в конце мая называют *похолодание құралай – құралайдың салқыны*. Это период похолодания, сопровождающийся дождями, когда детеныши (*құралай*) сайгака начинают бегать. Как бы много не было сайгаков, они успевают окотиться и во время этого ветра успевают поставить на ноги и выпасти своих детенышей [Абдуова 2011:4-6].

Фразеологизмы *көк мұзда* ('в лютый мороз'), *қансонарда* ('в первый снег'), *шіліңгір шілдеде* ('во время жаркого июля'), *сарша тамызда* ('в самые жаркие дни лета'), *қыстың көзі қырауда* ('в середине зимы') подтверждают наблюдения Л. Н. Гумилева о том, что кочевые народы измеряли время «по смене листвы». Такой способ счета времени позволял кочевникам определять наступление весенних и осенних праздников и совершать торжественные похороны, причем, согласно их обычаю, «умершего весной и летом хоронили, когда лист на растениях начнет желтеть и опадать; умершего же осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают развертываться» [Гумилев 1970: 130-131].

Действительно, в условиях постоянной смены места пребывания, только изменение сезонов могло напомнить кочевникам о необходимости поменять зимнее пастбище на весеннее, а летнее пастбище – на осеннее. От этого

зависела жизнь казаха, ведь, в основном, скот являлся главным источником пропитания.

Для казахов время измеряется циклично, как отрезки между двумя периодами. Это связано с образом жизни кочевника: переходя с места на место, казаху приходилось раз за разом повторять одни и те же действия: разборка юрты, выпас скота до тех пор, пока есть корм, сборка юрты и перекочевка на новое место. Таким образом, студенты приходят к выводу, что время у казахов соотносится не с точками на часах того или другого типа и даже не с календарными датами, а с естественно выделяемыми периодами дня или года.

Сопоставительный анализ фразеологического фонда русского и казахского языков позволяет студентам увидеть и определенные универсальные черты выражения времени, в истоке которых лежит, согласно мнению большинства ученых, общий для всех народов архетип сознания. К примеру: *до гробовой доски и жамбасы жерге тигенше* (буквально, 'когда тазовая кость дотронется земли') выражают общее значение 'до могилы, до самой смерти, до конца жизни'; русское выражение *когда рак на горе свистнет* соответствует казахскому *ешкінің құйрығы көкке жеткенде, түйенің құйрығы жерге жеткенде* (буквально: 'когда хвост козы достигнет неба, хвост верблюда достигнет земли') и имеет общий смысл неопределенного времени. Фразеологизмы, означающие начало отрезка, периода времени, в русском и казахском языках представлены выражениями с тождественными компонентами: *час пробил (пробьет)* – в русском языке и *мезіл жетті* ('настал пора, настал момент'), *уақыты келді* ('настал момент, пришел час') – в казахском языке.

Литература

Абдуова Б. С. Кодирование концепции времени и форм морфологического времени / Б. С. Абдуова // Материалы к 7 международной научно-практической конференции «Перспективы образования в науке и технике». – Прага, 2011. – С. 3-9.

Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык и время. - М.: Издательство «Индрик», 1997. – С. 51-61.

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания, 1995, №1. – С. 37-67.

Богатырева И. И. Пространство древнеиндийского времени / И. И. Богатырева // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII. – Материалы международной конференции. – СПб.: Наука, 2013. – С. 79-88.

Вежбицкая Анна. Русские культурные скрипты и их отражение в языке / Анна Вежбицкая // Семантические универсалии и базисные концепты. – М.: Языки славянских культур, 2011. – С. 389-424.

Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки, 200, № 1. – С. 64-72.

Гумилев Л. Н. Этнос и категория времени / Л. Н. Гумилев // Доклады Географического общества СССР, 1970. – Вып. 15. – С. 143-157.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация. – М.: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 5-19.

Сабитова З. К. Лингвокультурологические аспекты изучения взаимоотношения языка и культуры / З. К. Сабитова // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – Алматы, 2011, №2 (132). – С. 20-23.